

УДК 821.161.1

EDN QSELPK

<https://doi.org/10.33910/2687-0223-2023-5-3-195-201>

Люди и звери: градация ценности жизни животных в сказочном мире А. М. Волкова

Л. А. Григорян^{✉1}

¹ Всероссийский институт научной и технической информации Российской академии наук,
125190, Россия, г. Москва, А-190, ул. Усиевича, д. 20

Сведения об авторе

Лев Арменович Григорян,
SPIN-код: 4828-1568,
ORCID: 0000-0002-6535-6185,
e-mail: Levgr2@yandex.ru

Для цитирования:

Григорян, Л. А.
(2023) Люди и звери: градация
ценности жизни животных
в сказочном мире А. М. Волкова.
*Комплексные исследования
детства*, т. 5, № 3, с. 195–201.
[https://doi.org/10.33910/2687-0223-
2023-5-3-195-201](https://doi.org/10.33910/2687-0223-2023-5-3-195-201) EDN QSELPK

Получена 28 апреля 2023; прошла
рецензирование 7 мая 2023;
принята 8 мая 2023.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © Л. А. Григорян (2023).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Целью данного исследования является анализ сказочной серии А. М. Волкова о Волшебной стране и Изумрудном городе (1939–1982) для определения градации ценности жизни персонажей-животных в сопоставлении с ценностью жизни персонажей-людей. Отмечено противоречие между декларируемой автором разумностью всей фауны Волшебной страны и сохранением в ней охотничьего промысла и скотоводства. На материале шести сказок цикла, в том числе их ранних и черновых версий, выявлена структура животного мира в сказочной вселенной Волкова с делением на четыре группы, обладающие различной ценностью жизни в зависимости от степени персонификации, очеловечивания и сюжетной роли: квазилюди, статисты, скот и монстры. Рассмотрены основные характеристики этих групп, в том числе степень их сближения с персонажами-людьми. Выявлено отражение в сказках Волкова общемировой послевоенной тенденции к гуманизации общества, набравшей силу в 1950–1960-е гг., в том числе усиление экологических и этических мотивов, деполитизация, дегероизация и гуманизация детской литературы. Прослежено изменение сюжетной роли персонажей-животных в сказках Волкова и ценности их жизни по мере овзросления сказочной серии с ее отходом от классической волшебной сказки в направлении жанра фантастики, что особенно ярко проявляется в заключительной книге серии. Отмечена взаимосвязь между расчеловечиванием персонажей-животных и людей и угасанием собственно сказочной составляющей в серии книг Волкова об Изумрудном городе. Высказана гипотеза о том, что данная тенденция могла стать одной из причин, побудивших Волкова отказаться от дальнейшего продолжения сказочной серии.

Ключевые слова: сказки А. М. Волкова, литературные персонажи, животные, ценность жизни, очеловечивание, экология, этические мотивы, жанровая трансформация

Humans and animals: Gradation of animal life value in A. M. Volkov's fairy-tales

L. A. Grigoryan ✉¹

¹ All-Russian Institute of Scientific and Technical Information of Russian Academy of Sciences, 20 Usievicha Str., A-190, Moscow 125190, Russia

Author

Lev A. Grigoryan,
SPIN: 4828-1568,
ORCID: 0000-0002-6535-6185,
e-mail: Levgr2@yandex.ru

For citation:

Grigoryan, L. A.
(2023) Humans and animals:
Gradation of animal life value
in A. M. Volkov's fairy-tales.
Comprehensive Child Studies, vol. 5,
no. 3, pp. 195–201. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2023-5-3-195-201> EDN QSELPK

Received 28 April 2023; reviewed
7 May 2023; accepted 8 May 2023.

Funding: The study did not receive
any external funding.

Copyright: © L. A. Grigoryan
(2023). Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
License 4.0.

Abstract. The purpose of this study is to analyze A.M. Volkov's fairy-tale series about the Magic Land and the Emerald City (1939–1982) in order to determine the gradation of life value of the animal characters in comparison with the human characters. The study highlights the contradiction between the consciousness of the entire fauna of the Magic Land declared by Volkov and the preservation of hunting and cattle breeding. Based on the material of six fairy tales of the cycle, including their early and draft versions, I identify the structure of the animal world in Volkov's fairy-tale universe and divide it into four groups with different values of life depending on the degree of personification and humanization and the plot role—quasi-humans, extras, cattle and monsters. The article also presents the main characteristics of these groups, including the degree of their rapprochement with human characters. The study reveals global post-war trends towards humanization of society, which gained strength in the 1950s–1960s, reflected in Volkov's fairy tales. Such trends include strengthening of environmental and ethical motives, depoliticization, deheroization and humanization of children's literature. I trace the change in the plot role of animal characters in Volkov's fairy tales and the value of their lives as the fairy-tale series matures, departing from the classic fairy tale, towards the sci-fi genre, which is especially evident in the final book of the series. The study points out the interrelation between the gradual dehumanization of animal and human characters and the decline of the fairy-tale component in the Emerald City series by Volkov. This trend could be one of the reasons that prompted Volkov to abandon his fairy-tale series.

Keywords: A.M. Volkov's fairy tales, literary characters, animals, value of life, humanization, ecology, ethical motives, genre transformation

Известная миллионам читателей сказка А. М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» впервые опубликована в 1939 году. Через 20 лет автор вернулся к сюжету «Волшебника», существенно переработал сказку и впоследствии создал ряд продолжений (Латова 2002). Шесть повестей о Волшебной стране образовали сказочный цикл, который пользовался большой популярностью в советское время и регулярно переиздается до сих пор.

Мир Волшебной страны чрезвычайно разнообразен. Помимо людей там обитают волшебники, великаны, гномы, ожившие искусственные существа и не менее разнообразная фауна (Галкина 2006). К животному миру относятся:

- 1) лесные, полевые и сельскохозяйственные животные, принадлежащие к обычным видам — медведи, лисы, волки, мыши, бобры, коровы, овцы, воробьи, галки и т. д.;

- 2) сказочные разновидности привычных видов — огромные орлы, гигантский паук, воробьи с железными клювами, ядовитые пчелы;
- 3) реликтовые и гибридные виды, в том числе сказочные эндемики — саблезубые тигры, драконы, летучие обезьяны, звери-Шестилапые, рыба крокс;
- 4) ожившие по волшебству существа — медвежья шкура, чучело попугая, олени рога (ведут себя, как живой олень), механические мулы и т. д.

Одна из привлекательных особенностей Волшебной страны состоит в том, что все животные и птицы там разумны и наделены даром человеческой речи. Автор не устает напоминать об этом на протяжении всей сказочной серии, а многие говорящие звери и птицы играют значимые роли в сюжете наравне с людьми (Спынь 2022).

Например, в дружной компании главных героев наряду с девочкой Элли, соломенным человеком Страшилой и Железным Дровосеком состоит Трусливый Лев. Питомец Элли, песик Тотошка, в Волшебной стране тоже обретает дар речи, проявляя порой недюжинную смекалку. Верной подругой и советницей Страшилы становится ворона Кагги-Карр. Королева полевых мышей Рамина не раз выручает друзей в трудных ситуациях и т. д.

Однако реальные отношения людей и животных, которые прослеживаются в текстах книг, не укладываются в столь простую схему, которую можно условно назвать *эгалитарной*, и порождают ряд сюжетных неувязок.

Так, народы Волшебной страны, живущие по большей части традиционным сельским укладом, занимаются скотоводством и употребляют в пищу мясо животных. Для Элли, собирающейся в долгий путь, гостеприимные Жевуны приносят запас провизии, в том числе баранов, жареных гусей и уток. Гномы охотятся на фазанов и куропаток, жарят быков и баранов для своей повелительницы, великанши Арахны, изготавливают пергамент из телячьей кожи. Народ Марранов бьет из пращи диких уток. Столяр Урфин Джюс ловит в силки кроликов и без всякого сожаления жарит их. Наконец, хищные по природе звери, Трусливый Лев и песик Тотошка, охотятся на другую живность.

Все виды промысла описаны в книгах так, будто дело касается обычных, несказочных животных, лишенных речи и разума, хотя это напрямую противоречит авторской установке о всеобщей разумности зверей и птиц. Автор нигде не упоминает, что пойманный кролик, подстреленная куропатка или предназначенный на убой баран как-либо воспротивились своей участи, вступив в спор с охотником, взмолившись о пощаде и т. д. Нет и внятно озвученной дифференциации, подобной той, которая действует в сказочном мире Нарнии К. С. Льюиса, где наряду с говорящими животными — полноправными «гражданами» Нарнии — обитают бессловесные неразумные промысловые породы (Гопман 2012).

Данная нестыковка на протяжении десятилетий вызывает вопросы у внимательных читателей сказок Волкова, воспринимающих текст буквально и видящих в этом этическую проблему: как могут одни разумные существа поедать других?

Однако литературоведческий подход предполагает иную расстановку акцентов. Согласно определению В. Я. Проппа, животные, выступая в качестве *персонажей* фольклора и сказочной

литературы, либо символизируют собой людей, либо действуют в роли волшебного помощника для героя-человека (Пропп 2020). Примерами, иллюстрирующими первый вариант классификации, могут служить классические басни, «Сказки дядюшки Римуса» о Братце Кролике Дж. Харриса, истории о Ежике и Медвежонке С. Г. Козлова, второй — «Кот в сапогах» Ш. Перро, «Конек-Горбунок» П. П. Ершова, гусь Мартин в «Приключениях Нильса» С. Лагерлеф и др. Если же животное в сказке не является персонажем, т. е. *не персонифицировано* (не имеет имени, не разговаривает, не совершает самостоятельных осознанных поступков), ему, как правило, остается лишь роль обычного, несказочного животного (Шамякина 2022).

Таким образом, вопреки авторской установке Волкова о всеобщей разумности фауны Волшебной страны, мы можем выделить в его сказках разные группы животных, различающиеся степенью персонификации и, соответственно, разной ценностью жизни.

Первая группа — животные-персонажи, наделенные именами, вступающие с персонажами-людьми в отношения дружбы, добровольного сознательного служения и т. д., их можно охарактеризовать как *квазилюдей*: они очеловечены настолько, что в волшебном пространстве сказки выступают в качестве людей в животном облики. Таковы Трусливый (впоследствии — Смелый) Лев, ворона Кагги-Карр, собаки Тотошка и Артошка, мулы Цезарь и Ганнибал, медведь Топотун, филин Гуамоко, орел Карфакс, попугай Качи, лисий король Тонконюх XVI, королева мышей Рамина и др. Следует отметить, что на протяжении всего сказочного цикла из представителей этой группы погибают лишь единичные эпизодические персонажи (в частности, орлица Араминта, упоминаемая в тексте всего дважды, оба раза вскользь); остальных автор старательно выводит из любых испытаний живыми и невредимыми.

Вторая — животные, выступающие в роли сельскохозяйственной и промысловой фауны, необходимой для пропитания и поддержания быта людей и *квазилюдей*, их можно условно обозначить как *скот*. Эти животные не обладают личными именами, не демонстрируют признаков разума и, зачастую, упоминаются во множественном числе — утки, быки, коровы и т. д. В этой категории ценность жизни заметно ниже. Хотя фермеры заботятся о скоте, уведят с собой коров в лесные убежища во время вражеских нашествий, но делают это не из гуманных соображений, а сугубо из хозяйственных нужд. Аналогично благородные гигантские орлы

из племени Карфакса, охотясь на горных козлов и туров, не истребляют их как вид лишь потому, чтобы не лишиться кормовой базы.

Промежуточное положение между *квазилюдьми* и *скотом* занимают многочисленные виды лесных животных, обитателей полей, также безмянных птиц, несущих важную для Волшебной страны службу — птичью эстафету для передачи срочных сообщений (она же «птичья почта»). Эту категорию можно назвать *статистами*. По сути, это один из видов населения Волшебной страны, мир «свободных зверей», иногда даже со своими обособленными государствами — звериным царством Смелого Льва, королевством полевых мышей, долиной гигантских орлов, лисьим королевством и т. д.

С одной стороны, *статисты*, как и *скот*, безлики, нередко упоминаются в массе, их имена не фигурируют в тексте, и ценность их жизни меньше, чем у персонажей-*квазилюдей*. Автор сравнительно легко жертвует представителями данной промежуточной категории. В одной из сцен пятой книги цикла великанша Арахна раздавила разом 140 мышей, вскоре упоминается, что еще 785 мышей замерзли и пропали без вести во время снежной бури. В заключительной сказке цикла гибнет несколько ласточек и крапивников под ударом смертоносного луча. В других книгах говорится о гибели трех гонцов-лисиц, растерзанных хищным зверем; есть сцена убийства кота, покинутого хозяевами.

С другой — во многих сценах отдельные *статисты*, оставаясь безмянными, демонстрируют явные признаки разума, вступают в разговоры, исполняют поручения людей и *квазилюдей* и даже сами проявляют полезную инициативу.

Более того, по ходу развития сказочного цикла автор постепенно пришел к выводу о необходимости как-то защитить животных-*статистов*. Так, в пятой книге серии читаем: «...люди Волшебной страны жили с лесными зверями и птицами в дружбе. Благодатная природа так щедро одаряла жителей страны урожаями злаков, овощей и фруктов, на их лугах паслось столько домашнего скота, что надобность в охоте на лесную дичь совершенно отпадала. Наоборот, люди часто приходили на помощь лесным обитателям. Если случалась засуха и плоды, не созрев, преждевременно опадали с деревьев, поселяне подкармливали зверей и птиц из своих запасов. В свою очередь, звери и птицы помогали людям, когда те оказывались в беде. Такой помощью и были птичья эстафеты» (Волков 2010, 468). Тем самым, впервые за весь

цикл лесные животные обособляются от домашнего скота, а упоминания об охоте из предыдущих книг фактически дезавуируются. Данная новация может объясняться не только желанием Волкова избавить сконструированный им сказочный мир от логических противоречий, но и эволюцией взглядов автора.

Можно предположить, что к этому решению Волкова подтолкнула гуманизация нравов в СССР, наступившая после Великой Отечественной войны и завершения суровой сталинской эпохи. Особенно ярко веяния времени отразились на детской литературе. С конца 1950-х — начала 1960-х годов кардинально сменилась концепция повествования, адресованная к читателю-ребенку. Литература для дошкольного и младшего школьного возраста стала благоустроенным заповедником счастливого детства (Банах 2021), на пространстве которого писатели и цензура старались избегать тем жестокости, смерти, горя, нищеты, обращений к политическим и социальным вопросам. Повести и рассказы о пионерах-героях, отдавших жизнь за революцию, разоблачавших шпионов или погибших на фронтах войны, все больше уступали место веселым приключениям благополучных ребят, детство которых оберегают мудрые добрые взрослые, или же историям о мирных зверушках — котиках, зайчиках, ежиках и т. д. (Тюшина 2015) Условно говоря, на смену Мальчишу-Кибальчишу приходит сначала Дениска Кораблев, а затем Чебурашка.

Волков, будучи по натуре гуманистом (есть сведения, что в жизни он был принципиальным противником охоты), подхватил и отразил эти тенденции в своих сказках.

В том же гуманном ключе выдержаны сцены из третьей книги цикла, где упоминается Великое перемирие между хищниками и травоядными на время похода звериного войска, собранного Смелым Львом: «Отныне хищники не смели обижать своих младших братьев, а уж если кому приходилось невтерпех, тот мог пожевать травки или утолить голод фруктами» (Волков 2010, 294). К теме мира между разными видами животных автор возвращается в пятой книге, где Волшебную страну окутывает ядовитый Желтый Туман, вынуждающий зверей становиться в очередь к медпунктам.

Кроме того, в четвертой книге Волков предложил локальную сказочную альтернативу хищничеству: в королевстве лисиц (одном из малых государств Волшебной страны) возделывают кроличьи деревья, плоды которых по вкусу не уступают кроличьему мясу. Правда, для лисьей аристократии оставлена привилегия охотиться

на живых зайцев и кроликов, но этот обычай порицается героями книги (здесь можно усмотреть пародию-перевертыш в отношении нравов английской аристократии с ее традиционной охотой на лис). Фактически автор ставит перед читателем этическую проблему противоречия между гуманизмом и биологическими законами природы или, иными словами, между сказкой и реализмом.

Вместе с тем, отчасти вопреки гуманистическим тенденциям, в сказках Волкова можно выделить отдельную категорию животных под условным названием *монстры (чудовища)*. Монстры олицетворяют собой абсолютное зло, подлежащее безусловному уничтожению, поэтому ценность жизни в этой категории минимальна.

Представители категории монстров всегда выступают противниками положительных героев, но до уровня полноценных антагонистов не поднимаются. Они расчеловечены настолько, что могут служить лишь антигероями отдельных эпизодов (для более значимой и протяженной роли им потребовалось бы, как минимум, стратегическое мышление, в котором автор им отказывает). Участь *монстров* всегда плачевна: они уничтожаются без сожаления.

Так, в первой книге истребляются волшебные прислужники злой колдуньи Бастинды — волки, воробы и пчелы; уничтожается хищный гигантский Паук, терроризировавший зверей в своем лесу; зарублен дикий кот, пытавшийся съесть королеву мышей Рамину; гибнет несколько саблезубых тигров, собиравшихся напасть на главных героев. Во второй книге по приказу Страшилы истребляется уже все племя саблезубых тигров, а последний уцелевший тигр находит гибель в четвертой книге, к большой радости положительных героев. Здесь Волков остается выразителем традиционной морали, согласно которой победа над чудовищем — это доблесть, заслуживающая всяческого одобрения и не подразумевающая сочувствия поверженному врагу. К *монстрам* не применяются методы перевоспитания, предусмотренные в сказочном цикле для антагонистов-людей. *Монстра* можно только убить.

Впрочем, за многие десятилетия, прошедшие со времени написания сказок Волкова, общественная мораль гуманизировалась еще сильнее, и теперь значительная часть читателей этих сказок с неприятием относится к расправе над саблезубыми тиграми и особенно к убийству дикого кота, покушавшегося на мышку. Справедливо замечается, что мышку можно было спасти, не лишая жизни кота, и что кот пострадал

за поступок, легко прощаемый положительным героям: тот же песик Тотошка ловит мышку, но никто ему не рубит голову.

Следует отметить, что по мере разработки сказочного цикла часть *монстров* была перекалассифицирована автором в представителей менее одиозных категорий. Примечательна в этом смысле судьба драконов. В ранней версии третьей книги цикла, забракованной издательством за излишнюю жестокость, драконы выступали в роли злобных чудищ и в финале поголовно уничтожались, о чем автор сообщал с нескрываемым удовлетворением (Григорян 2022). Рукопись была отвергнута. Волков учел критику, кардинально переработал сказку, и драконы превратились в верных помощников для людей. А смысленный добродушный дракон Ойххо полюбился читателям и стал постоянным персонажем всех следующих книг серии.

Сходную эволюцию претерпели звери-Шестилапые, из категории *монстров* перешедшие в *скот*, а также летучие обезьяны, вначале чуть не погубившие Элли и ее друзей, затем ставшие посланцами доброй феи Стеллы, а далее, в прижизненной версии шестой книги, храбрими защитниками Волшебной страны.

В развитии сказочной серии Волкова можно усмотреть еще одну значимую тенденцию: отход от классической волшебной сказки в сторону научной фантастики. Ранние признаки подобной сюжетной динамики отмечал еще в 1976 г. литературовед Е. М. Неёлов на материале первых четырех книг цикла (Неёлов 1976). В полной мере фантастические элементы проявились в заключительной, шестой книге, где сюжет строится на борьбе с захватчиками-инопланетянами, оснащенными продвинутой техникой: в пасторальный мир Волшебной страны вторгается из космоса враждебная сила со звездами, вертолетами, скорострельными пушками, радарными, лучевыми пистолетами и т. д.

Фантастический жанр этой книги выражается не только в привлечении характерных тем — космоса, инопланетян, технических новшеств. Автор поднимает серьезные вопросы этики и морали, овзросляется лексика. Волшебная страна как олицетворение гуманности, мира, дружбы людей и животных, оазис уникальной экологии противопоставляется бездушная техническая цивилизация пришельцев с планеты Рамерия, нацеленная на завоевание и убийство. Командир пришельцев, чью вертолетную эскадрилью разгромили гигантские орлы Карфакса, удивлен сотрудничеством людей и животных и задается вопросом: «Кто знает, может, пока мы на Рамерии создавали технику, [земляне]

открывали недоступные нам тайны природы?» (Волков 2010, 639).

Меняется также роль животных, снижается ценность их жизни. Повествование становится жестче: пришельцы сжигают лучевыми пистолетами безобидных ласточек, в кровавой битве с вертолетной эскадрилей гибнет значительная часть племени орлов. Одновременно уходят из сюжета волшебные спутники героев, характерные для жанра сказки. Впервые за весь цикл в Волшебную страну не берут ни песика Тотошку, ни его преемника Артошку. Мулы, сопровождавшие героев в четвертой книге, устраняются из повествования. Смелый Лев, старинный друг Страшилы и Дровосека, за всю шестую книгу подает лишь одну реплику, фактически переходя на положение *статиста*.

Уровень угроз возрастает. Война из игрушечной, какой она была в сказке про деревянных солдат, становится реалистичной, настоящей, кровавой. Это ведет к *парадоксу*: сказка в попытке спасти свою самобытность, защититься от вторжения чужеродных сил невольно упраздняет себя сама, расчеловечивая животных, отбрасывая фольклорные черты, перерастая в собственный антипод — историю борьбы людей с людьми. И лишь талант автора вместе

с присущим ему тактом удерживают сюжет от последнего шага, где уже сами люди разделились бы на *людей и нелюдей*.

Можно сказать, что участие в сказке разумных, активно действующих животных является своеобразным мерилom сказочности не меньше, чем наличие магии, обыгрывание фольклорных мотивов и обилие приключений, выпадающих на долю персонажей-людей. А уход животных из сказки, их вытеснение на обочину сюжета, расчеловечивание и снижение ценности их жизни становится для сказки началом конца, символом трансформации в другой жанр — возможно, не менее интересный, но лишенный первоначального обаяния и доброты счастливого детства. Видимо, не случайно Волков сюжетом про инопланетян завершил цикл о Волшебной стране, и шестая книга стала последней.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Источники

Волков, А. М. (2010) *Собрание сочинений: в одном томе*. М.: Престиж Бук, 1230 с.

Литература

- Банах, И. В. (2021) Формирование канона: миф о счастливом детстве в советской детской литературе. В кн.: Т. Е. Автухович (ред.). *Норма и отклонение в литературе, языке и культуре*. Гродно: ЮрСаПринт, с. 236–243.
- Галкина, Т. В. (2006) *Незнакомый Александр Волков в воспоминаниях, письмах и документах*. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 268 с.
- Гопман, В. А. (2012) Рыцарь Радости: Добро и зло миров Клайва Стейплза Льюиса. В кн.: *Золотая пыль: Фантастическое в английском романе: последняя треть XIX–XX вв.* М.: Изд-во РГГУ, с. 300–319.
- Григорян, Л. А. (2022) Эволюция замысла сказки «Семь подземных королей» А. М. Волкова в 1963–1967 гг. *Детские чтения*, т. 22, № 2, с. 340–365. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2022-2-22-340-365>
- Латова, Н. В. (2002) Чему учит сказка? (О российской ментальности). *Общественные науки и современность*, № 2, с. 180–191.
- Неёлов, Е. М. (1976) Научно-фантастические мотивы в сказочном цикле А. М. Волкова «Волшебник Изумрудного города». В кн.: И. П. Лупанов (ред.). *Проблемы детской литературы: Межвузовский сборник*. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет им. О. В. Куусинена, с. 133–148.
- Пропп, В. Я. (2020) *Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки*. М.: КоЛибри, 640 с.
- Спынь, К. М. (2022) Психологическая достоверность образов сказочных персонажей (на примере сказок А. М. Волкова). В кн.: Т. В. Галкина, М. В. Курышева, М. А. Левченко и др. (ред.). *Детская книга в цифровую эпоху: сборник трудов по материалам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции*. Томск: Изд-во ТГПУ, с. 20–36.
- Тюшина, Е. И. (2015) Писатели нашего детства: обзор отечественной литературы для юных читателей. *Библиотека*, № 2, с. 31–41.
- Шамякина, С. В. (2022) Предметная классификация литературных художественных образов. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*, № 2, с. 5–16.

Sources

Volkov, A. M. (2010) *Sobranie sochinenij: v odnom tome [Collected works: In one volume]*. Moscow: Prestizh Buk Publ., 1230 p. (In Russian)

References

- Banakh, I. V. (2021) Formirovanie kanona: mif o schastlivom detstve v sovetskoj detskoj literature [Formation of the canon: The myth of a happy childhood in soviet children's literature]. In: T. E. Avtukhovich (ed.). *Norma i otklonenie v literature, yazyke i kul'ture [Norm and deviation in literature, language and culture]*. Grodno: YurSaPrint, pp. 236–243. (In Russian)
- Galkina, T. V. (2006) *Neznakomyj Aleksandr Volkov v vospominaniyakh, pis'makh i dokumentakh [Unknown Alexander Volkov in memoirs, letters and documents]*. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 268 p. (In Russian)
- Gopman, V. L. (2012) Rytsar' Radosti: Dobro i zlo mirov Klajva Stejplza L'yuisa [Knight of Joy: The Good and Evil of the Worlds of Clive Staples Lewis]. In: *Zolotaya pyl': Fantasticheskoe v anglijskom romane: poslednyaya tret' XIX–XX vv. [Golden dust: Fantastic elements in the English Novel of the last third of the XIX–XX centuries]*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., pp. 300–319. (In Russian)
- Grigoryan, L. A. (2022) Evolyutsiya zamysla skazki "Sem' podzemnykh korolej" A. M. Volkova v 1963–1967 gg. [The plot evolution of the fairy tale "Seven underground kings" by Aleksandr Volkov in 1963–1967]. *Detskie chteniya — Children's Readings*, vol. 22, no. 2, pp. 340–365. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2022-2-22-340-365> (In Russian)
- Latova, N. V. (2002) Chemu uchit skazka? (O rossijskoj mental'nosti) [What does a fairy tale teach? (about the Russian mentality)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' — Social Sciences and Contemporary World*, no. 2, pp. 180–191. (In Russian)
- Neelov, E. M. (1976) Nauchno-fantasticheskie motivy v skazochnom tsikle A. M. Volkova "Volshebnik Izumrudnogo goroda" [Sci-fi motifs in fairy-tale cycle "The Wizard of the Emerald City" by A. M. Volkov]. In: I. P. Lupanov (ed.). *Problemy detskoj literatury: Mezhvuzovskij sbornik [Problems of children's literature: Interuniversity collection]*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University named after O. V. Kuusinen Publ., pp. 133–148. (In Russian)
- Propp, V. Ya. (2020) *Morfologiya volshebnoj skazki. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [Morphology of the fairy tale. The historical roots of the fairy tale]*. Moscow: KoLibri Publ., 640 p. (In Russian)
- Shamyakina, S. V. (2022) Predmetnaya klassifikatsiya literaturnykh khudozhestvennykh obrazov [Subject classification of literary artistic images]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya — Journal of the Belorussian State University. Philology*, no. 2, pp. 5–16. (In Russian)
- Spyn', K. M. (2022) Psikhologicheskaya dostovernost' obrazov skazochnykh personazhej (na primere skazok A. M. Volkova) [Psychological credibility of the fairy-tale characters (on the example of A. M. Volkov's fairy tales)]. In: T. V. Galkina, M. V. Kuryшева, M. L. Levchenko et al. (eds.). *Detskaya kniga v tsifrovuyu epokhu: sbornik trudov po materialam Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoy konferentsii [Children's book in the digital era: Collection of works based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation]*. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., pp. 20–36. (In Russian)
- Tyushina, E. I. (2015) Pisateli nashego detstva: obzor otechestvennoj literatury dlya yunyykh chitatelej [Writers of our childhood: A review of Russian literature for young readers]. *Biblioteka*, no. 2, pp. 31–41. (In Russian)